

■ Е. Нелидова ■

ЧЕТЫРЕ СТОЛИЦЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ



Е. Нелидова

**Четыре столицы Древней Руси.
Старая Ладога, Новгород, Киев,
Владимир. Легенды и памятники**

«Издательство АСТ»

Нелидова Е.

Четыре столицы Древней Руси. Старая Ладога, Новгород, Киев, Владимир. Легенды и памятники / Е. Нелидова — «Издательство АСТ»,

Задолго до Москвы и Петербурга в Древней Руси уже существовали четыре столицы. Старая Ладога, Новгород, Киев и Владимир, их властители и простые жители, церкви и крепости, памятники и парки стали героями книги Е. Нелидовой, впервые вышедшей в начале XX века под названием «Русь в ее столицах». Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	6
I. Старая Ладога	19
Глава I	21
Глава II	28
Глава III	38
Глава IV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Е. Нелидова
Четыре столицы Древней Руси.
Старая Ладога, Новгород, Киев,
Владимир. Легенды и памятники

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Переиздание книги Е. Нелидовой «Русь в ее столицах» посвящается 1150-й годовщине российской государственности, отмечаемой в 2012 году.

Предисловие

В 1862 году Российская империя торжественно отметила тысячулетнюю годовщину своей государственности. По этому случаю в одной из прежних столиц страны – Новгороде Великом – был сооружен великолепный многофигурный памятник Тысячелетию России. 80 лет спустя, во время Великой Отечественной войны немцы разобрали его на части, дабы увезти в Германию на переплавку, словно бы признавая некоторую историческую ошибочность сооружения монумента. На самом деле немцам во время войны банально не хватало металла, к тому же к СССР, равно как и к России и ее истории они питали самую искреннюю ненависть, а памятник служил великолепным зримым символом величия русской истории... Ведь его не рискнули уничтожить даже большевики, к отечественной старине тоже не питавшие особой привязанности.

Именно немцам, точнее немецким историкам, служившим в России на рубеже XVIII–XIX столетий, принадлежит сомнительная честь определения памятной даты тысячелетия Руси. На самом деле 862 год по Рождестве Христовом отмечен всего лишь приглашением на Русь князя-варяга Рюрика. Это скромное по историческим меркам событие – наем очередного стороннего специалиста-менеджера, выражаясь современным языком, – позволило немцам подвести базу для своей пресловутой норманнской теории. Основной ее смысл заключался в том, что русские-де не могли сами справиться ни с населением, ни с территорией страны, правильно ее организовать – говоря проще, были дебилами, и только цивилизованные европейцы смогли все устроить на Руси как полагается, да и то ненадолго.



Богоматерь Нерушимая Стена.

Мозаика Киевского собора Святой Софии

На самом деле история Руси к этому периоду насчитывала уже не первое тысячелетие, но то была бесписьменная история, история, от которой не сохранилось документальных источников, а иные свидетельства вроде огромного числа небольших городков-крепостей, археологических и иных материальных памятников в расчет намеренно не брались. Обнаруженные на рубеже XIX – XX столетий рунические письменные источники, как предполагается, насчитывающие более тысячи лет, по сию пору вызывают такие большие споры и сомнения, что пользоваться ими приходится с большой долей осторожности, цитируя преимущественно в сугубо научных публикациях, и то с большими оговорками.

К тому же пресловутая норманнская теория оказалась очень удобной для продворянски настроенных историков и генеалогов, выющих лавровые венки для дворянских родословных деревьев. Для них важнейшим фактором стало происхождение сиятельных родов отечественной знати первой величины исключительно от князя Рюрика, как будто бы имевшиеся до него правители Руси на протяжении нескольких столетий не обладали соответствующими органами и размножались исключительно почкованием и выдающихся потомков не оставили. Немало сил потратили русские историки, начиная с великого Сергея Михайловича Соловьева, на разоблачение норманнской теории, но победа над норманнистами и сейчас иногда кажется прозрачной. Достаточно открыть сочинения иных современных генеалогов из бывших инженеров и энергетиков...

Все течет, все изменяется. Как ни удивительно, но эта прописная истина имеет отношение не только ко всей многовековой истории России, но и к истории столиц нашей страны. Менялись экономические, политические и иные условия существования государства, а с ними вместе менялись и центры притяжения экономических, политических и иных сил страны, менялись столицы – и древней Руси, и Российской империи, и страны Советов. Самая громкая замена разумеется, связана с основанием на берегах Невы «града Петра» и затем возвращением столицы уже большевистской России на берега Москвы-реки, но столь важное событие, по понятным причинам, не нашло отражения на страницах этой книги.

Прибыв на русское княжение в 862 году по Рождеству Христову, Рюрик высадился отнюдь не на пустынный берег Ладожского озера. Здесь уже имелась мощная система городков-крепостей, позволявшая сдерживать завоевательные походы «добрых соседей». Было хорошо развито производство – гончарное, металлургическое. Не требовало современного «импортозамещения» сельское хозяйство, проще говоря – выращивали и потребляли все свое. Одевались в одежду и обувь собственного производства. Их делали из собственного, а не привозного сырья. При этом внутри российские экономические связи развивались вполне успешно – Древнюю Русь объединял хорошо поставленный товарообмен. В стране имелось сравнительно немного хороших дорог в их более или менее современном понимании, но вполне надежными путями сообщений служили реки, тогда еще очень полноводные и рыбой чрезвычайно обильные...

Каналов между реками славяне, разумеется, не копали, но существовала развитая система волоков, соединявших водные пути. Так что Москва стала «портом пяти морей» задолго до того, как «великий вождь и учитель народов земли» опоясал ее системой каналов. Кстати, волоки – своеобразные перекрестки водных дорог – часто становились и местами зарождения будущих городов. Таких волоков имелось несколько в ближайших окрестностях того места, где впоследствии суждено было появиться и граду Москве – первоначально в виде небольшого городка-крепости, о будущих столичных функциях которого, разумеется, еще никто не мог и помыслить. Тогда столица располагалась совсем в ином месте...

730 год принято считать датой основания Старой Ладоги – одного из древнейших городов России и первой ее столицы. Князь Рюрик после 862 года провел тут совсем немного времени, перенеся свою столицу-резиденцию в «господин Великий Новгород», какового тогда в

природе еще не существовало – имелось только место, которое начало активно осваиваться и застраиваться.

Старая Ладога долгое время выполняла функции одной из рядовых цитаделей-крепостей, покуда надобности в них окончательно не отпали. К концу XVIII столетия память об исторических заслугах города улетучилась окончательно. Отношение к Старой Ладоге оказалось весьма характерным для отношения к памятникам русской старины вообще. Подобное случалось и в Москве, и в Киеве, и во Владимире. Ведь это не анекдот, а историческая реальность, когда иконостас работы очень почитаемого и в те времена преподобного Андрея Рублева во Владимире был заменен на более торжественный, в стиле пышного классицизма. «Сделали красиво...», а Рублев в конце концов оказался на колокольне под дождем и снегом.



Рюриковские укрепления вокруг церкви Святого Георгия в Старой Ладоге.

Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

В Новой Ладоге, которая административно заменила Ладогу Старую, во второй половине XVIII века стоял Новоладожский полк. Его командир – выдающийся русский полководец Александр Васильевич Суворов историей не особенно интересовался. Его больше занимали проблемы войсковых учений. Для подготовки солдат к штурму крепостей он использовал... укрепления Старой Ладоги. Использовал, разумеется, в качестве вражеских, с применением всех тогдашних новейших способов ведения осады и штурма крепостей, включая артиллерию. Далеко не все древние постройки города выдержали натиск суворовских «чудо-богатырей», хотя и соорудались на совесть, а не как-нибудь...

Не отставали от Суворова и служители церкви. Вот что сообщал о состоянии исторических памятников, описанных в настоящей книге, граф Алексей Константинович Толстой – великий русский поэт, драматический и исторический писатель, знаток и почитатель отечественной старины, глубоко верующий человек, что важно отметить. Сообщал достаточно регулярно своему другу детства и постоянному корреспонденту, которого обыкновенно звал просто Сашей. По счастью для русских древностей, Саша по совместительству оказался еще и императором Всероссийским Александром II Освободителем. Однако последствия даже из этого обстоятельства для памятников отечественной старины проистекали не всегда благоприятные. Находилось немало цивилизованных способов послать Самодержца, равно как и желающих сохранить древности... Читатель, надеюсь, сам догадается, как далеко и уж точно что надолго...

«Ваше Величество!

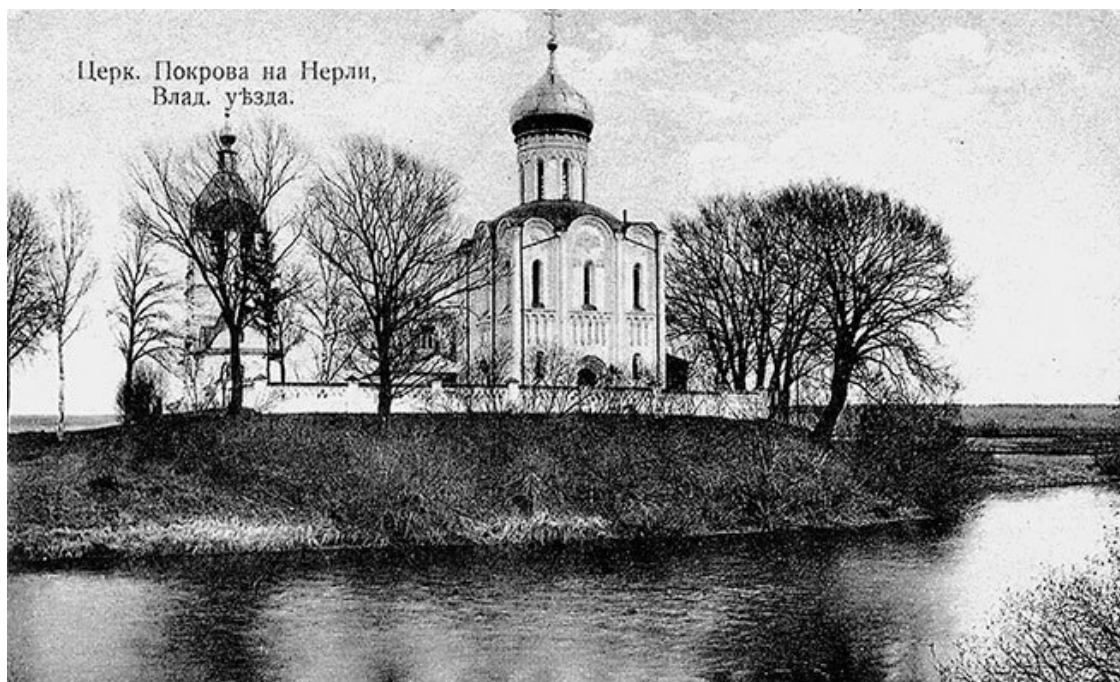
Вследствие нового жестокого приступа моей болезни я несколько дней не был в состоянии двигаться и так как еще и сейчас не могу выходить, то лишен возможности лично довести до сведения Вашего Величества следующий факт: профессор Костомаров, вернувшись из поездки с научными целями в Новгород и Псков, навестил меня и рассказал, что в Новгороде затевается неразумная и противоречащая данным археологии реставрация древней каменной стены, которую она испортит. Кроме того, когда великий князь Михаил высказал намерение построить в Новгороде церковь в честь своего святого, там, вместо того чтобы просто исполнить это его желание, уже снесли древнюю церковь святого Михаила, относившуюся к XIV веку. Церковь святого Лазаря, относившуюся к тому же времени и нуждавшуюся только в обычном ремонте, точно так же снесли. Во Пскове в настоящее время разрушают древнюю стену, чтобы заменить ее новой в псевдостаринном вкусе. В Изборске древнюю стену всячески стараются изуродовать ненужными пристройками. Древнейшая в России Староладожская церковь, относящаяся к XI веку (!!!), была несколько лет тому назад изувечена усилиями настоятеля, распорядившегося отбить молотком фрески времен Ярослава, сына святого Владимира, чтобы заменить их росписью, соответствующей его вкусу...



Когда спрашиваешь у настоятелей, по каким основаниям производятся все эти разрушения и наносятся все эти увечья, они с гордостью отвечают, что возможность сделать все эти прелести им дали доброхотные датели, и с презрением прибавляют: «О прежней нечего жалеть, она была старая!» И все это бессмысленное и непоправимое варварство творится по всей России на глазах и с благословения губернаторов и высшего духовенства. Именно духовенство отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников.



Полуфигура Христа. Фреска Георгиевской церкви в Старой Ладоге



Храм Покрова на Нерли во время разлива

Что пощадили татары и огонь, оно берется уничтожить...

Государь, я знаю, что Вашему Величеству не безразлично то уважение, которое наука и наше внутреннее чувство питают к памятникам древности, столь малочисленным у нас по сравнению с другими странами. Обращая внимание на этот беспримерный вандализм, принявший уже характер хронического неистовства, заставляющего вспомнить о византийских иконоборцах, я, как мне кажется, действую в видах Вашего Величества, которое, узнав обо всем, наверное, сжалится над нашими памятниками старины и строгим указом предотвратит опасность их систематического и окончательного разрушения...»

К этому стоит прибавить и такой «милый» исторический факт – только отсутствие финансов не позволило пустить на щебень одну из самых поэтичных жемчужин русской архитектуры – церковь Покрова на Нерли.

А будь бывший стольный град Владимир чуть побогаче, вполне мог бы найтись меценат-благотель из «ухарей-купцов»...

Справедливости ради следует сказать, что и в среде православного духовенства имелось определенное число просвещенных деятелей, активно исследовавших и сохранявших по мере возможностей, весьма скромных, церковную старину. К ним можно отнести, к примеру, архимандрита Леонида (Кавелина).

В 1863 году было создано Императорское Московское археологическое общество, которое разогнали только большевики. Общество имело весьма куцые права в области сохранения исторического наследия, но шустрое на «поновление» старины купечество вкупе с благодушным духовенством побаивалось его председателей – семейную пару графов Уваровых, особенно Прасковью Сергеевну. Недаром не посмел подступиться к ней влюбленный граф Лев Николаевич Толстой – он чувствовал женщин, которые сильнее его, а что уж говорить о сословии купцов-меценатов.

Император Александр II подарил Археологическому обществу палаты дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной Москвы-реки, а император Александр III, сам бывший вполне профессиональным историком, выделил 10 тысяч рублей из личных средств на издание трудов...

Многое удалось спасти обществу. Так, даже московские купцы-толстосумы не смогли по собственному желанию обстроить лавками или окончательно снести древнюю стену Китай-города, а также провести линию трамвая непосредственно посередине Красной площади – графиня Уварова не позволила. Сохранилось немало жалоб и провинциальных деятелей разного уровня на то, что Археологическое общество не позволяет «немного улучшить и украсить» памятники местной старины. Понятно, что общество не пришлось к большевистскому двору, и органы НКВД разогнали его задолго до приснопамятного 1929 года, когда канули в Лету многие вполне невинные с идеологической точки зрения общественные объединения.

Составной частью Археологического общества была образованная в 1909 году комиссия «Старая Москва». Ей повезло несколько больше, и она смогла просуществовать в Советской России вплоть до начала 1930 года. Последний доклад на его заседании должен был сделать молодой библиотекарь Виктор Васильевич Сорокин. Он и сделал его в восстановленной при Государственной публичной исторической библиотеке России «Старой Москве» день в день, но ровно 60 лет спустя. К сожалению, об общественных успехах в сохранении памятников отечественной старины в начале XXI века лучше умолчать.

Две войны и революции, пронесшиеся над страной в первой половине XX столетия, нанесли немалый урон древностям всех столиц Руси. Методическому уничтожению исторического наследия страны посвящено немало специальных изданий. Столетней давности книга Е. Нелидовой «Русь в ее столицах» стала не просто рассказом об исторических событиях, но и своеобразным путеводителем по исчезнувшим памятникам.

Возросший интерес к историческому прошлому России весьма содействовал появлению к началу 1970-х годов системы комплексных музеев-заповедников в исторических городах СССР. Статус музея-заповедника позволяет более или менее прочно сохранять большую часть городской территории от разрушения, тем более что многие из древних городов по сию пору раскопаны археологами едва наполовину, а то и меньше.

В 1971 году в Старой Ладоге был открыт Государственный краеведческий музей, обретший к середине 1990-х статус музея-заповедника. Былые руины исторических укреплений крепости постепенно восстанавливаются, проводятся большие археологические раскопки. Эти работы позволяют не только сделать Старую Ладогу привлекательным туристическим объектом, но и раскрыть многие загадки старого города, особенно его подземной части. Бывшая столица теперь, кстати, административно числится селом или сельским поселением...

Новгород, Псков, Изборск и другие города северо-запада Древней Руси теперь тоже обрели заповедный статус. Новгородские раскопки, на которых вот уже более полувека работает специальная археологическая экспедиция, дали сенсационные результаты. Главный среди них – собрание берестяных грамот, свидетельствующих о широком распространении грамоты среди простого городского населения. Грамоты найдены также в других исторических городах России и даже в Москве, благо береста прекрасно сохраняется на протяжении столетий во всяком грунте. Об этом читатель может узнать из увлекательной книги историка и археолога В.Л. Янина «Я послал тебе бересту».

Киевская Русь, Киев – мать городов русских – вроде бы давно перевернутая страница истории Отечества; красивая, величественная, но – перевернутая. Однако события конца XX столетия, к большому сожалению, показали всю актуальность этой темы. Е. Нелидова в своем очерке о Киеве излагает «прогрессивные» исторические взгляды начала XX столетия, которые не в последнюю очередь привели после октября 1917 года к созданию очередной «самостийной Украины». Наука история, которая, как известно, никого и ничему не учит, наверное, покажет, во что оборачивается «незалежность» в наши дни.

Археологическая история Киева, насчитывающая уже не одно столетие, находится сейчас на подъеме. Исследованиям киевских древностей посвящена обширная литература. Большие споры в научных кругах вызвала реставрация, а точнее, восстановление древних киевских

Золотых ворот, выполненная с использованием ближайшего аналога – Золотых ворот Владимира. На самом деле реставрация показала не только техническую возможность, но и реальную перспективу восстановления частей древнего Киева, органическое вживание таких исторических реконструкций в ткань современного города.

В начале XX столетия на пышных холмах высокого берега Клязьмы уютно располагался небольшой провинциальный городок Владимир – губернский центр. Огороды и вишневые сады составляли главное украшение его улиц. Немного напоминало о былом столичном величии города, и немногие вспоминали об этом.

Однако нельзя сказать, что Владимир был совершенно забыт высшими властями, подобно Старой Ладоге. Русские цари и императоры регулярно навещали былую столицу, приказывали здесь кое-что поновить, а позднее и отреставрировать. Особенно способствовал этому император Николай I, искренне любивший и гордившийся отечественной стариной. Другое дело, что реставрационная наука, наука сохранения исторического наследия, пребывала в то время в самом зачаточном состоянии. Это обстоятельство привело к некоторым печальным ошибкам, но важнее стало другое – «поновители» постепенно начали восприниматься в качестве губителей, а не «спасителей» русской старины.

При большевиках Владимир утратил даже свой былой губернский статус, превратившись в районный центр Ивановской промышленной области. Соответствующим образом смотрели власти и на владимирские древности. Для их полного сноса недоставало только полновесного финансирования.

Во Владимирском крае живет такая легенда. Как-то раз, уже после войны, Суздаль посетил один из представителей рода Ротшильдов. Иностранную фамилию иной раз называют другую, что не особенно меняет суть дела. Суздаль, где буквально каждый камень наполнен древней историей, тогда представлял собою некое подобие только что оставленного врагом-разрушителем города. Древности лежали в руинах, хотя немецкие фашисты побывали здесь исключительно в качестве военнопленных. Ротшильд обратился к властям восстановленной в 1944 году Владимирской области с предложением сдать ему в аренду Суздаль на сто лет. Обещал платить хорошую арендную плату и все отреставрировать. Иностранному гостю отказали, но и сами власти взялись за ум.

К концу хрущевской «оттепели», когда осуществлялись последние массовые сносы владимирских храмов, начался медленный процесс восстановления исторических городов Владимирщины. Был создан Владимиро-Суздальский музей-заповедник, ставший одним из крупнейших и самых посещаемых музеев русской провинции. Вереницы автобусов с советскими и иностранными туристами буквально брали в осаду исторические города туристического Золотого кольца. Оказалось, что история не только в Европе может приносить весьма ощутимый доход в бюджеты как местные, так и всей страны.

Печальные 1990-е годы основательно умили туристический поток в Центральной России. На владимирские красоты стало возможно взглянуть без привычных туристических толп. Стоя возле древнего Димитриевского собора, мне не раз довелось почувствовать ту головокружительную красоту, которой много столетий тому назад восхищались жители древнего Киева, когда впервые побывали на высоком берегу Клязьмы, когда выбирали место для нового города, для новой столицы. Старый Владимир как никакой другой город России позволяет ощутить неразрывную связь времен, цепь истории, каковой соединены все прежние и нынешняя столицы нашей прекрасной Родины – России.

* * *

К началу XX столетия в России активно складывалась система учебных книг – не только непосредственно учебников, но и дополнительных изданий, предназначенных для домашнего

чтения. «Русь в ее столицах» – одна из таких книг. Министерством народного просвещения издание было отмечено и «внесено в список книг, заслуживающих внимания при пополнении бесплатных народных читален и библиотек».

Е. Нелидова, автор книги, которую держит в руках читатель, принадлежала всего лишь к скромным историкам-популяризаторам, а не теоретикам науки, чьи работы оказались обращены преимущественно к учащейся молодежи. Взгляды автора, в том числе и антинорманнские, вполне объективны, хотя отражают не только общее состояние, но и серьезную борьбу взглядов русской исторической мысли начала XX века, которая имела место ровно сто лет тому назад. Отголоски этой борьбы можно наблюдать и по сей день.

К сожалению, найти какие-либо достоверные сведения о самой Е. Нелидовой оказалось практически невозможно – ее имя отсутствует в самых подробных словарях отечественных литераторов и переводчиков, хотя шанс обнаружить некоторые подробности жизни автора «Руси в ее столицах» еще есть. По образованию и кругу литературных занятий она принадлежала к Петербургу. К началу XX столетия в Северной столице была выстроена неплохая система высшего женского образования. Выпускницы высших женских учебных заведений имели неплохой шанс заниматься конкретным делом, а не сидеть дома на шее у мужа.

Нелидова, судя по библиографии, много и удачно переводила произведения европейских писателей, публиковалась в различных петербургских издательствах. Видимо, «Русь в ее столицах» осталась единственной самостоятельной работой автора. Фамилия Нелидовой в каталоге Российской национальной библиотеки встречается только единожды, в связи с «Русью».

По некоторым сведениям, она входила в круг знакомых писателя-демократа Владимира Галактионовича Короленко. После революции ее имя исчезает из литературного процесса навсегда. О причинах остается только догадываться, хотя – как знать, вдруг где-нибудь в частных руках найдутся ее мемуары или иные сочинения. Кстати, подробный указатель персональных фондов в отечественных архивохранилищах фамилии Нелидовой не упоминает.

Со времени создания «Руси в ее столицах» прошло целое столетие. За это время отечественная историческая наука накопила немало новых данных. Во всех четырех городах, исполнявших столичные функции Руси и описанных в книге, проводились большие археологические раскопки и исследовательские реставрационные работы на сохранившихся памятниках, которые частью опровергли, но по большей части подтвердили и дополнили изложенные автором исторические сведения.

Если об авторе «Руси» сведения имеются самые приблизительные, то вот об издательстве, которое выпустило книгу, можно сказать многое. В советское время говорить полагалось преимущественно плохое. Сейчас времена и мнения вроде бы несколько изменились.

Создатель издательства «Товарищество А.С. Суворина – “Новое время”» – Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) родился в доме под соломенной крышей в селе Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии. Большую часть жизни прожил в Петербурге, который искренне не любил и откуда частенько сбегал отдохнуть душой и телом в любимую Москву. Начинал Суворин полунимом учителем. Умер Суворин миллионером, заработав деньги собственным неустанным трудом, в том числе и писательским. У него имелось издательство, крупнейшая национальная газета «Новое время» и даже Суворинский театр. Алексей Сергеевич был не только большим поклонником театра, но и вполне приличным драматургом. К тому же его единственная дочка Анастасия Алексеевна наивно полагала себя актрисой, что при больших деньгах отца некоторыми поддерживалось.



Алексей Сергеевич Суворин. Фотография

Суворина ругали и при жизни, и по смерти. Иногда справедливо, но вот чего никак нельзя отнять у Алексея Сергеевича, так это его пристрастия к учебной книге для массового читателя – сказывалась учительская закваска. В издательском репертуаре Суворина учебная книга, книга научно-популярного жанра занимала почетное место. Издания эти не приносили большого дохода, но небольшая цена очень способствовала их широкому распространению по стране солидными тиражами, при которых каждая копейка прибыли с книжки оборачивалась общим тысячным доходом.

«Русь» Нелидовой была издана уже после смерти Алексея Сергеевича, когда у руля его дела встал сын Алексей Алексеевич (писавший под псевдонимом Алексей Порошин), продолжавший общее направление отца, хотя идейно они частенько расходились, в полном согласии с тургеневской теорией «Отцов и детей». Суворинское «Новое время» по-прежнему пользовалось большим политическим влиянием. Не случайно большевики ликвидировали «Новое время» среди первых буржуазных газет. Суворин-младший пытался продолжить издательскую деятельность в эмиграции, но с исчезновением денег интерес к ней в эмигрантских кругах быстро иссяк. Влиять оказалось не на кого.

* * *

Во все времена всякую учебную книгу издатели непременно хотели наполнить иллюстрациями – столь любимыми детьми да и взрослыми картинками. В издании Суворина все брошюры цикла сопровождались 16 рисунками в тексте и иногда одной картой. 24 рисунка пришлось только на Киев. При подготовке переиздания книги были сохранены все карты. Большая часть оригинальных старых иллюстраций оказались на самом деле простыми почтовыми открытками, очень популярными не только в те давние времена. К сожалению, полиграфическое качество воспроизводства иллюстраций в издании начала XX столетия было далеко не на высоте – сказывались относительно большие тиражи и невозможность при этом работы с деревянными клише. Поэтому при подготовке переиздания книги редакция сочла возможным заменить основную часть иллюстративного ряда аналогичными изображениями этих же объектов, преимущественно старыми открытками, фотографиями и гравюрами. Введено также несколько современных видов описанных памятных мест. Само же количество иллюстраций в книге возросло почти в три раза по сравнению с оригинальным изданием.

В начале XX столетия большое путешествие по Центральной России предпринял Сергей Михайлович Прокудин-Горский – создатель русской цветной фотографии, выдающийся фотограф-художник. Его снимки, также воспроизведенные в книге, относятся преимущественно к 1909 году, поэтому в подрисуночных подписях они не датируются. Читателю стоит взглянуть в Интернете на цветное воспроизведение этих работ, осуществленное по авторским негативам, хранящимся в Библиотеке Конгресса США, куда они эмигрировали вместе с Сергеем Михайловичем после событий октября 1917 года. Цвет такой чистоты и насыщенности не дают даже современные цифровые камеры, а ведь Прокудин ухитрялся снимать даже цветное кино, первое в России, поставив одновременно три камеры с разными цветными фильтрами.

Воспроизведенные в книге открытки датируются преимущественно 1910-ми годами. Исключение составляют виды исторических мест Киева. Это не совсем открытки, это тиражные фотографии близкого к открыточному формату, выпускавшиеся в 1870 году, когда открыток в привычном нам виде еще не существовало.

Каждая из четырех частей настоящей книги первоначально издавалась в виде небольшой отдельной брошюры, и теперь, собранные все вместе, они представляют немалую библиографическую ценность. Предпринимавшиеся было попытки их переиздания то одним, то тремя выпусками – обычно без Владимира – свидетельствуют о том, что старые учебные книги на самом деле живут совсем недолго, а их полные комплекты имеются только в крупнейших библиотеках страны.

Текст приводится по изданиям:

Нелидова Е. Русь в ее столицах. I. Старая Ладога. СПб., 1912

Нелидова Е. Русь в ее столицах. II. Новгород. СПб., 1913

Нелидова Е. Русь в ее столицах. III. Киев. Петроград, 1915

Нелидова Е. Русь в ее столицах. IV. Владимир. Петроград, 1916

А.В. Буторов

I. Старая Ладога



Лик пророка Давида. Фреска Георгиевской церкви



Вид на крепость Старой Ладоги.

Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Глава I

Ладожское озеро. – Великий древний путь «из варяг в греки». – Река Волхов, ее легенды, прошлое и настоящее. – Сказочный героический период Ладоги и Новгородской области.

Морем называют прибрежные жители Ладожское озеро. И действительно, оно безбрежно и многоводно, как море. Вода почти всех рек и озер северо-западной части Европейской России стекает в Ладожское озеро. Около четырех тысяч больших и малых озер Олонецкой губернии несут свои воды реками и ручьями в Онежское озеро, которое, приняв в себя реки Водлу и Вытегру, вливает воду рекой Свирью с притоками в Ладожское озеро. Река Сясь несет туда же воду всей Тихвинской водной системы, река Волхов – с озера Ильмень и всех притоков. Финляндские водные системы областей Сиволакса и Карелии имеют сток в Ладожское озеро через реки Вуоксу и Тайпалу.

Все прибрежные ручейки и канавки несут свой весенний излишек туда же, как мелкие подчиненные племена несут свою дань могучему властелину.

С незапамятных времен через озеро шел путь из настоящего моря – Балтийского, или Варяжского, как называли его в древности. А это море с древних времен связывало дикие народы севера с южными более просвещенными народами. Оно давало возможность обмениваться разными природными богатствами обоих концов Европейского материка. Из-за этого пути в другой, более привлекательный мир, к другим, более интересным людям шла вековая упорная борьба между северными племенами, постепенно образующими могучие государства.

Народы Скандинавского полуострова (потом шведы) и славяне северо-западной части Европы (потом русские) были главными действующими лицами этой кровавой борьбы. Река Волхов, озеро Ладожское и река Нева были главным местом этой борьбы. Жители Ладоги – были ли это вначале финны, славяне или скандинавы – всегда принимали в ней участие.

В настоящее время озеро распространяется в длину почти на двести верст, в ширину почти на сто двадцать пять. Но в глубокой древности оно было гораздо больше. Русский летописец, говоря о Ладожском озере, пишет: «Его же устье входит в море Варяжское». Когда-то, следовательно, река Нева была продолжением Ладожского озера или широким проливом, соединяющим озеро с морем. Озеро разливалось на большее пространство, чем теперь, и устье реки Волхова, впадающей в него, находилось южнее, чем в настоящее время.

Берега южной части озера были низменные и болотистые. Богатые дремучие леса покрывали их на большом пространстве. Много тысяч лет тому назад жили в этих лесах и по этим берегам доисторические люди – так называемые люди каменного века. На протяжении тысяч лет эти дикие люди выбирались мало-помалу из земляных берлог, заводили первобытные суда, чтобы плавать по рекам и озерам, добирались до моря и начинали сношения с более образованными странами.

Так как предметы, необходимые для человеческой жизни, рассеяны по всей земле, то людям издавна приходилось ездить, чтобы доставать нужные им вещи. Реки, моря и озера, разделяющие страны, сделались путями сообщения. Такой путь с юга на север и обратно образовался в очень древние времена из моря Понтийского, или Русского (нынешнего Черного) в море Варяжское (нынешнее Балтийское). Уже в VI веке после Р. Хр. был известен этот великий торговый путь «из варяг в греки». Вот как описывает его позднее русский летописец: «Путь древний: из Грек через море Понтийское до Днепра; вверх же Днепра волок есть до Волоти (р. Ловать) и по Волоти внити в Ильмень озеро, великое озеро Нев, его же устье входит в море Варяжское, и по тому морю идти даже до Рима, а от Рима прийти морем же к Царюграду (Константинополь), от Царяграда в Понт, в него течет Днепр река».

По этому пути издавна спускались с севера дружины норманнских викингов (т. е. морских королей) на юг для опустошения берегов древней Греческой империи. Этим же путем производилась торговля между севером и югом Европы. Озеро Ильмень, принимая в себя многоветвистую реку Ловать, выпускает в Ладожское озеро реку Волхов. Великий водный путь шел из Финского залива по реке Неве в Ладожское озеро, отсюда Волховом в Ильмень, из Ильменя Ловатью, затем волоком, т. е. мелкими реками и сухим путем до верховьев Днепра (см. карту, с. 25).

По некоторым указаниям древних иностранных историков можно судить, что греки еще до Р. Хр. знали о северном море, с берегов которого привозился янтарь. Янтарь чрезвычайно ценился древними культурными народами, и купцы торговали им с большой выгодой. На этом основании купцы одних народов скрывали места добычи янтаря от других. Для ограждения своих интересов они даже запугивали неопытных людей, рассказывая разные небылицы о северных народах, называя их чудовищами, людоедами и т. п. Но все-таки торговля янтарем развивалась. Она, может быть, и дала первый толчок к сношению южных более развитых и просвещенных людей с северными дикарями и к открытию торгового пути «из варяг в греки».

Со временем по всем указанным в этом пути рекам расселились многочисленные славянские племена – ильменские славяне, кривичи, северяне, поляне и другие. Здесь же основалось впоследствии и русское княжество, концами которого и, вместе с тем, главными пунктами, соединяющими север и юг, были Новгород и Киев.

Торговля в древние времена была тесно связана с морским разбоем, главными представителями которого были варяги. Они приезжали из Варяжского моря, останавливались у какого-нибудь берега и начинали торговать с местными жителями, но при первом же удобном случае брались за оружие и грабили их. Вероятно, эта привычка была и у русских купцов при первых русских князьях. Византийское (греческое) правительство, входя с ними в торговые договоры, всегда выговаривало себе меры против буйства русских купцов.



Карта великого пути «из варяг в греки». Расселение славян на заре истории Руси

Одним из главных предметов торговли прежде варягов, а потом русских со столицей Греции, Константинополем, были невольники, которых водили скованными по берегам рек во время трудных переездов через пороги. Варяги, или скандинавские морские разбойники, опу-

стошавшие берега почти всей Европы, доставляли большое количество невольников в Новгород, обменивая их там на греческие и восточные товары. А то и сами, в виде «гостей» (купцов), спускались по водному пути в Константинополь. Кроме невольников русскими товарами считались в Константинополе воск, мед и меха.

Города, стоявшие по великому торговому пути, получали с юга (из Греции) и с востока – из царств Хазарского на Волге и Болгарского на Каме – разные предметы роскоши, изящного искусства, дорогие цветные ткани шелковые и шерстяные, а также различные индийские благовонные вещества.

В такой большой и значительной торговле принимали участие в старые времена Ладожское озеро и река Волхов, и одной из таких важных торговых пристаней была нынешняя Старая Ладога.

Народы, с незапамятных времен селившиеся по Волхову или приезжавшие сюда с соседних озер и морей, из поколения в поколение передавали разные сказки и были о своих предшественниках и их жизни. Сказки и были перемешивались, и образовывались предания, хранящиеся в народах тысячелетиями.

Река Волхов, говорит одно из таких преданий, называлась когда-то Мутной рекой, потому что вода в ней была всегда мутная и нечистая. Красноватый оттенок воды старые предания приписывают потокам людской крови, пролитым здесь в борьбе воинственных племен между собою. Волховом же стала называться река по имени старшего сына князя Славяна, поселившегося на ней. А по другому преданию, царский сын Волхов, оборотившись змеем, причинял вред всем ходящим по реке челнам, пока сам не потонул в ней. После того она и стала называться Волховом. Может быть, этот змей указывает на дракона, который изображался на древних судах варяжских разбойников, действительно обижавших челны мирных людей.

Челны и теперь плавают по Волхову, бегают по нему небольшие пароходы, идут буксирные тихоходы, медленно тянутся громоздкие баржи и длинные плоты, но никакой змей не беспокоит их. И они сами не слишком нарушают покой старой, отдыхающей от бурного прошлого реки.

С XII века начала развиваться торговля Новгорода с немецкими городами, а впоследствии он принял участие в их торговом союзе, называвшемся Ганзейским. С этого же времени путь от Финского залива по реке Неве, Ладожскому озеру и Волхову слывет под именем Новгородского, и начинается из-за него определенная и почти непрерывная борьба новгородцев со шведами.

После падения Новгорода, когда великий князь Иоанн III закрыл ганзейскую контору и изгнал немецких купцов из Русской земли, Новгородский путь утратил свое значение в достаточной степени. Особенно же повлияло на торговое движение по нему открытие англичанами в XVI веке нового пути в Россию – через Белое море – и основание новой гавани Архангельска. Конечно, благодаря близости Петербурга, Волхов и теперь еще не утратил значения торгового пути, а только разделил свои обязанности со многими другими реками. Теперь Волхов сплавляет вниз по течению дрова, лесной строительный материал, сено и рыбу и доставляет вверх хлеб. Наряду с маленькими буксирными пароходиками тянутся громоздкие баржи при помощи бечевы, в которую запряжены лошади, идущие по берегу. При переезде через пороги впрягают несколько десятков и даже до сотни лошадей. Старый Волхов, хранящий в своей памяти боевые клики воинственных викингов и удалых новгородских «ушкуйников», разбойничавших на своих легких ладьях, оглашается теперь несмолкаемыми понуканиями и руганью погонщиков несчастных заморенных кляч.

* * *

В тринадцати верстах от Ладожского озера и нынешнего устья Волхова раскинулось по берегу его небольшое селение, с белыми монастырскими стенами и пестрыми старинными церквами по бокам. Впереди, на остроконечном полуострове, омываемом Волховом и рекой Ладожкой, выдвинулась вросшая в землю зубчатая развалина из дикого камня, а сзади раскинулись холмистые зеленые поля. С обеих сторон все это охраняется, как безмолвными стражами, высокими зелеными курганами. Это Старая Ладога – древняя торговая пристань и пограничная твердыня Новгорода.

Когда основалась Ладога, каков был ее первоначальный вид и какого племени были люди, населявшие ее с самого начала, – знает, может быть, только старый Волхов, который ревниво хранит свою тайну. По положению своему у Ладожского озера и Волхова она была с давних пор известна побережным жителям Варяжского моря. Древнейшие скандинавские предания тесно связывают жизнь скандинавских народов с жизнью города Альдейгобурга, как называют они Ладогу, и Гардарики (страна городов) – Новгородской области. По преданиям скандинавов, сам Один (их верховный бог) первоначально царствовал в пределах Гардарики.



Кувшинки на Ладожском канале.

Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Один поручил, говорит сага (скандинавская былина), царство Гардов сыну своему Сигурламию, который пал в битве с великим Тиассием. Ему наследовал сын его Свавурлакий,

получивший знаменитый в Скандинавии меч Тьрвинг и убивший им Тиассия. Свавурламия убил Ангрим, морской разбойник с острова Больма. Завладевший мечом Тьрвингом, Ангрим женился на дочери Свавурламия Ейваре. Двенадцать сыновей Ангрима были в большой дружбе с царем Альдейгобурга (Ладоги) Биартрамом, и старший из них Ангантир женился на его дочери Сваве. Ангантир пал в битве со знаменитым скандинавским воителем Гиальмаром, на острове Самсейе, здесь же погибли и его одиннадцать братьев в борьбе с товарищем Гиальмара, странствователем Оддом. От брака Ангантира со Свавою родилась дочь Гервара, знаменитейшая воительница Скандинавии. Гервара воспитывалась у деда в Альдейгобурге. Пришедши в возраст, она собрала дружину удалцов и, под мужским именем Гиоварда, странствовала по морям и производила ужасные грабежи. Наконец, прибыв на остров Самсей, Гервара вызвала из могилы отца и получила из его рук знаменитый меч Тьрвинг. После этого она возвратилась в Альдейгобург, жила снова у деда, занимаясь женскими рукодельями, и вышла затем замуж за Говунда, владетеля Ионтунгейма, страны злых чародеев, за рекой Печорой. От этого брака родился известный воин Гейдрек, которому мать передала меч Тьрвинг.

Гейдрек впоследствии завладел Рейдготией (нынешняя Ютландия) и был в дружественных сношениях с Роллавгом, знаменитым тогда государем Гардарикским (Новгородским). Во время морских набегов Гейдрек часто посещал Гольмгард (Новгород) и женился, в конце концов, на дочери Роллавга Гергерде, получив за ней в приданое Винландию, и т. д.

Так рассказывают древние скандинавские предания о Гардарикии и Альдейгобурге и об их государях от Одина до Ангантира, жившего, по их словам, за десять поколений до Рюрика.

К половине IX века христианского летосчисления Гардарикия была уже обширной Новгородской областью, население которой состояло главным образом из племен славянских, затем финских и скандинавских. Альдейгобург (Ладога), вероятно, был уже в это время в числе подчиненных ей городов. В это же время произошли ссоры с варягами, после чего начались междоусобия и внутренние беспорядки. Саги объясняют смуты прекращением древней династии государей в Гардарикии.

Саги позднейшего времени говорят уже об Альдейгобурге в связи с именами первых русских князей и скандинавских королей или их родственников.

Так, норвежский король Олаф Триггезон в молодости, спасаясь бегством от неприятеля, искал покровительства у князя Владимира (980 г.) и провел год в Альдейгобурге (Ладоге) начальником пограничного отряда. Из этих же саг мы узнаем, что Ярослав был женат на шведской королевне Ингигерде. Вследствие этого брака в Альдейгобурге водворился и долгое время жил, в качестве местного правителя, родственник Ингигерды шведский ярл Рангвальд, приехавший вместе с ней из Швеции. Рангвальд женился на Ингеборге, сестре норвежского короля Олафа Триггезона. В Ладоге же служил некоторое время у Ярослава зять его Гаральд, женатый на его дочери Елизавете. В Ладоге же скрывался шведский королевич Магнус, искавший покровительства у Ярослава после гибели отца, павшего в сражении с датчанами.

Вообще скандинавские саги указывают на многих знатных витязей, служивших в дружинах русских князей. Каждый пришелец получал место, смотря по своей известности. А по нашим древним былинам, князь встречал неизвестных витязей такими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут,
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловати.



Река Волхов. Современная фотография

Глава II

Сказания иноземных писателей о древних славянских землях и Ладоге. – Русские летописи о славянах и Ладоге. – Ладога – столица Рюрика и место смерти Олега. – Исторические места и их легенды.

Торговые люди в старину, переезжая из края в край, составляли для памяти дорожники или путеуказатели, которые при случае служили и для военных походов. Эти же дорожники были главным материалом для географических сведений ученых географов и историков того времени. По большей части это были простые перечисления мест или народов с часто вымышленными прибавлениями о жизни последних. Вероятно, и известный отец истории, греческий историк Геродот, живший в V веке до Р. Хр., пользовался этим же материалом, когда писал о жителях теперешней России. По его свидетельству, на северных берегах Понта (Черного моря) жили киммерияне, к северу от них скифы, за ними исседоны, за ними аримаспы (одноглазные), грифы и, наконец, у северного океана гипербореи.

Писатели первых веков после Р. Хр., пользуясь, наряду с путеуказателями, и другими, более достоверными источниками, упоминают уже и о славянах. Они знают их под именем венедов, живущих около реки Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими. Римский историк Тацит сначала сомневается, к каким племенам причислить венедов: к германским или сарматским. «Они много приняли из сарматских нравов, – говорит он, – потому что как разбойники скитаются по стране». Но, когда Тацит ближе познакомился с описываемым народом, то нашел, что он отличается от сарматов, проводящих жизнь в кибитках и на лошадях. Венеды, по словам Тацита, строят дома и сражаются пешими и со щитами.

Известный александрийский астроном и географ Птоломей, живший во II веке после Р. Хр., указывал на племя Ставан, жившее в нынешней Новгородской области. На трех местах своей карты он обозначает народ Амадогу, город Амадогу и озеро Амадогу. Озеро он помещает вверху западного притока Днепра. Имея в руках источники громадной александрийской библиотеки того времени, Птоломей пользовался также и современными путеводителями. Вероятно, он не раз встречал название местности и озера Амадога, но не знал, куда правильнее поместить их. Может быть, это было искаженное название озера, народа и города Ладога.

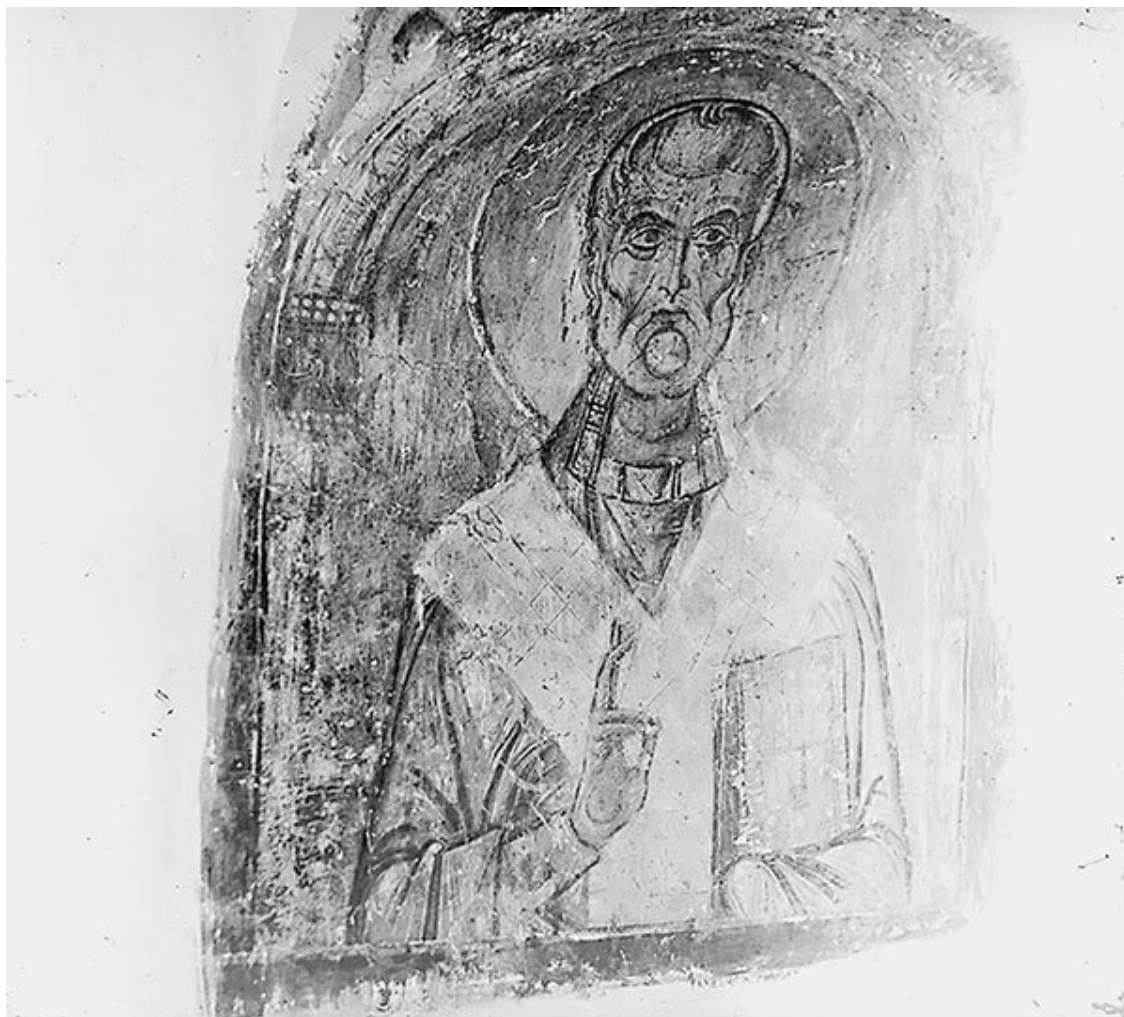
Писатели следующих веков постоянно упоминают венедов и сербов, живущих на востоке от них. В половине VI века сведения о славянских племенах и местностях, обитаемых ими, становятся уж гораздо точнее.

Готский историк Иорнанд говорит, что многочисленное племя венедов разделялось на два народа – славян, живших от верховьев Вислы на восток до Днепра, и антов, которые были сильнее первых и жили в странах припонтских от Днепра до Днестра. Греческий историк Прокопий также знает славян и антов, прибавляя, что в древности оба народа были известны под одним общим именем споров, в котором новейшие исследователи видят сербов.

В IX и X веках арабские писатели пишут уже очень много и подробно о новгородских славянах, варягах и руссах, которые ведут в это время оживленную торговлю с Болгарским царством на Каме.



Богородица. Утраченная ныне фреска церкви Святого Георгия. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.



Святитель Николай Угодник. Фреска церкви Святого Георгия. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Писатели Аль-Масуди и Идрисси посетили «Руссию» в IX веке, писали об ней и упоминали, между прочим, об одном из многочисленных славянских племен Лудана и о городе их Луджага, находящемся к северу от Новгорода. Может быть, эти названия также означали город Ладогу и славянское племя, жившее в ней.

Русские летописцы заимствовали первые сведения о древних славянах у греческих историков. Когда Русь приняла христианство от Византии, то духовенство византийское, вместе с христианским вероучением, принесло в нее и священные книги. Первые русские священники научились читать эти книги, они участвовали и во всех сношениях русских с Византией. Приезжая в Византию при русском посольстве, они воспринимали византийскую образованность. Читая греческие книги, они познакомились с историей, с записями и хроникой исторических событий. Духовные лица, участвовавшие в военных походах русских в Византию, знали подробный ход войны и помогали составлять договора. По примеру византийских историков и по их образцам, они стали вести свои записки, свою «хронику» событий, или летописи. Взяв начало описания исторических событий из старых византийских летописей, они прибавляли к ним старые славянские предания, хранившиеся в народе. Так зародилась русская летопись среди духовенства и перешла в древние русские монастыри. Из поколения в поколение переписывали монахи хронику и вели дальше летописи в разных местах и в многочисленных списках, часто противоречащих один другому. В позднейшие времена русские и иностранные историки разбирали эти летописи, пользуясь списками, более соответствующими общему ходу истори-

ческих событий. Но разобраться в истинности разных подробностей этих списков невозможно, потому некоторые места в них так и остались загадочными и сомнительными.

Русский летописец так пишет о первоначальном месте жительства славян и их движении: «Спустя много времени после Вавилонского столпотворения, сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле племена и прозвались своими именами, где которое племя село на каком месте: одни пришли и сели на реке именем Морава и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне – хорваты белые, сербы и хоружане». Затем дальше: «Тако же и те же словене, пришедше, седоша межи Припетю и Двиною и наркошася дреговичи. И инии, седоша на Двине, наркошася полочане, речки ради, яже втечет в Двину, именем Полоша. Словене же, седоша около озера Илмера (Ильменя), и прозвашася своим именем. И сделаша град и нарекоша Новгород».

В другом списке пишется так: «Пришедше словене з Дуная и седоша у озера Ладожского от толе прииде и седоша около озера Илмера и прозвашася своим именем». Здесь летописец хочет указать, что славяне предварительно сели у Ладожского озера, а потом уже пошли к Ильменю, может быть, под давлением варягов или каких-нибудь других враждебных народов.

По пути своего расселения к северо-востоку славяне всюду встречали дикие финские племена, с которыми и смешивались. Эти финские племена встречаются под разными названиями у всех упомянутых нами древних историков, начиная с Геродота. Всегда финны жили преимущественно в лесистых и болотистых местах. Тацит указывает на их «изумительную дикость и гнусную скудость». Финны постепенно уступали перед славянами, подчиняясь их народности и приравниваясь к ним. Около X века финны, наравне с славянами, имели города; наравне с ними терпели от внутренних неурядиц по изгнании варягов, вследствие чего и участвовали вместе с ними в призвании князей.

Варягами называли дружины норманнских викингов, или морских королей, состоявшие из уроженцев Скандинавского полуострова и Ютландии, часто знатного происхождения. Волею или неволею викинги покидали отечество и искали счастья на морях или в чужих странах. Они любили свое водное королевство и охотно умирали за него, как за свое отечество. Шведский поэт XIX столетия Тегнер так охарактеризовал древних викингов и их жизнь:

«Ни шатров на судах, ни ночлега в домах:
Супостат за дверьми стережет;
Спать на ратном щите, меч булатный в руках,
А шатром голубой небосвод».

Затем дальше:

«Как взыграет гроза, подыми паруса:
Под грозою душе веселей.
Пусть гремит, пусть ревет: трус, кто парус совет!
Чем быть трусом, погибни скорей!

Ты купца, на пути повстречав, защити;
Но возьми с него должную дань.
Ты владыка морей, он же прибыли раб:
Благороднейший промысел брань».

И так далее.

Варяги издавна приезжали на побережья Ладожского озера и Волхова и беспокоили жителей, облагая их данью. Племена, жившие на северо-западе Европы, хорошо знали их и невольно подчинялись им, как людям, обладающим силой и опытнось в ратном деле. Летописец говорит, что «брали дань варяги из-за моря на чуди, славянах новгородских, мери, веси и кривичах».

В 862 году, по свидетельству летописца, племена, платившие дань варягам, прогнали их за море, не дали им дани и начали сами у себя владеть. «Изгнаша варягы за море и не даша им дани. И начаша сами в соби володети. И не в них правды и вста род на род, и быша усобицы в них и воевати сами на ся почаша». При таких обстоятельствах племена собрались и решили искать себе князя. «Идоша за море к варягам к руси; и ркоша русь, чюдь, словяне, кривичи и вся: земля наша велика и обильна, а наряду в ней нет; да поидеши княжить и володеть нами». Затем дальше: «И избрашася трие брата с роды своими и придоша к словенем первее и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладози Рюрик, а другой Синеус на Беле озере, а третий Трувор в Изборске».

Здесь мы в первый раз встречаем в летописях город Ладогу. Но вероятнее всего, что, говоря «срубиша город Ладогу», летописец хотел сказать, что Рюрик выстроил нечто в роде крепости в существовавшей уже тогда Ладоге.

По свидетельству древних иностранных писателей, у славян всегда было очень много городов. Один географ X века насчитывал на всем протяжении славянских земель на юге и западе около 3760 городов. «Городом» славяне называли всякое огороженное или укрепленное от нападения неприятелей место. Арабский писатель Ибна-Якуб, путешествовавший по славянским землям в 965 году, так описывал постройку городов или крепостей славянами: «Они выбирают луга, богатые водой и тростником, намечают там место круглое или четырехугольное, затем кругом этого места выкапывают ров и из вынимаемой земли насыпают вал. Они укрепляют этот вал досками и сваями, утаптывая землю, пока вал не достигнет желаемой высоты. Затем они проделывают ворота, на какой стороне захотят, и подходят к ним по деревянному мосту». В более возвышенных местностях укрепления строили на берегу речки или на слиянии двух рек. По краям береговой возвышенности насыпался вал, так что середина возвышенности принимала вид углубленной котловины. Много остатков таких укреплений сохранилось до сих пор и известно под названием «городищ».

Итак Рюрик, по летописи, поселился в Ладоге. Можно предположить, говорит историк Соловьев, что Рюрику было выгоднее поселиться в Ладоге, чем в Новгороде. Ладога стояла у начала великого водного пути и была ближе к морю, потому положение ее было более важное, чем положение Новгорода. И, кроме того, в случае, если бы Рюрик не поладил с выбравшими его племенами и они снова возмутились бы против него, ему легче было уйти за море из Ладоги, чем из Новгорода. Вообще, в Ладоге он мог удобнее укрепиться для защиты от всяких врагов как себя, так и подвластной ему теперь области. Согласно летописи, Рюрик прожил в Ладоге два года, пока были живы его братья. После их смерти он перебрался в Новгород.

Новгородские летописи связывают Ладогу также и с именем любимого русского князя и героя Олега Вещего. Олег поехал с маленьким сыном умершего Рюрика Игорем на юг по Днепру. Там княжили в это время недовольные Рюриком и ушедшие от него дружинники Аскольд и Дир. Заманив князей хитростью на берег, Олег приказал убить их и стал княжить в Киеве, назвав его «матерью городов русских». Но, по новгородским летописям, он всегда любил Ладогу и часто жил в ней. Вопреки общепринятому мнению, что Олег умер в Киеве, новгородские летописи указывают на то, что он умер на пути в Ладогу (в 922 г.) недалеко от нее. «Иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу. Друзии же сказывают, яко идущю ему за море и уклону змия в ногу и с того умре; есть могила его в Ладози». Народная молва указывает и могилу Олега – громадный конусообразный курган верстах в восьми от Ладоги.

Местные предания не хотят уступать Ладогу скандинавам. Они повествуют, что еще в отдаленные языческие времена славяне основали Ладогу и назвали ее так по имени своего бога любви и согласия – Ладо. Ладо сам приплыл по реке в Ладогу и стал на прибрежном холме. До сих пор указывают на берегу речки Ладожки красивый крутой зеленый холм, с выравненной площадкой на вершине. Стоит он среди густого сочного луга, пестреющего цветами, и вплотную окружен частым кустарником, обвитым хмелем. Из подошвы его бьет родник чистой холодной воды.



На небольшом полуострове, омываемом с одной стороны Волховом, с другой Ладожкой, возвышается развалина каменной твердыни, которую местное предание упорно называет Рюриковой крепостью. Выдвинутая впереди города, она была поставлена как страж на защиту его. Крепкие надежные стены, сложенные из громадных булыжников и кирпичей, соединялись по углам круглыми башнями с бойницами. И теперь еще нависают остатки грозных когда-то стен и башен над Волховом и Ладожкой. Все глубже и глубже врастает развалина в землю, обрастая травой и кустарником. Толстые цепкие корни рябин вросли в ее камни и, словно громадные могучие змеи, переплелись между ними. Свежая зеленая листва и ярко-красные гроздья ягод, смеясь и радуясь в солнечный день, ласкают серые, источенные временем, мшистые камни и будто издеваются над смертью и тлением.

По словам жителей, на одной из башен была плита с какой-то надписью, но еще в начале прошлого столетия она упала и разбилась в куски.

В летописи определенно указывается, что в 1114 году была заложена каменная крепость в Ладоге. «Том же лете Павл посадник Ладожский заложи Ладогу город камян». Но народная молва не сдается, и ей вторят некоторые русские и иностранные писатели.

Развалины, существующие, во всяком случае, около тысячи лет, всегда возбуждали и до сих пор возбуждают народную фантазию. Круглые отверстия бойниц, как пустые глазные впадины черепа, зияют на облезлых, осыпающихся стенах. Полуобвалившиеся ступени лестниц, уходящих куда-то под землю, сырые, узкие и темные переходы, полужасыпанные щебнем и землей, какие-то толстые заржавленные кольца, привинченные к стенам темных углублений, в роде подземных темниц – разве все это не достаточный материал для всевозможных вымыслов? И среди жителей Ладоги с давних пор возникали легенды о глухих подземельях, где томились узники времен Рюрика и позднейших владетелей крепости-замка. Они рассказывают о бесконечных ходах, идущих под Волхов и соединявших крепость с противоположным берегом или, может быть, с другими подобными крепостями по берегу Волхова, от которых не осталось теперь следов.

Еще в первой половине прошлого столетия были известны попытки некоторых смельчаков. Они хотели проникнуть в тайники крепости и, может быть, найти там несметные сокровища русских князей или норманнских викингов и даже самый золотой гроб с прахом Рюрика, стоящий в одном из таинственных проходов под волнами Волхова.

В 1811 году генерал-майор Герард пробрался через одно из выходящих наружу отверстий на внутреннюю каменную лестницу. Лестница привела его в просторную четырехугольную комнату, из которой он прошел снова по лестнице в другую такую же комнату. Отсюда шли подземные ходы на большое пространство, но исследователь не мог продолжать своих изысканий. Густой и сырой воздух препятствовал дыханью, и множество нетопырей преграждали путь.

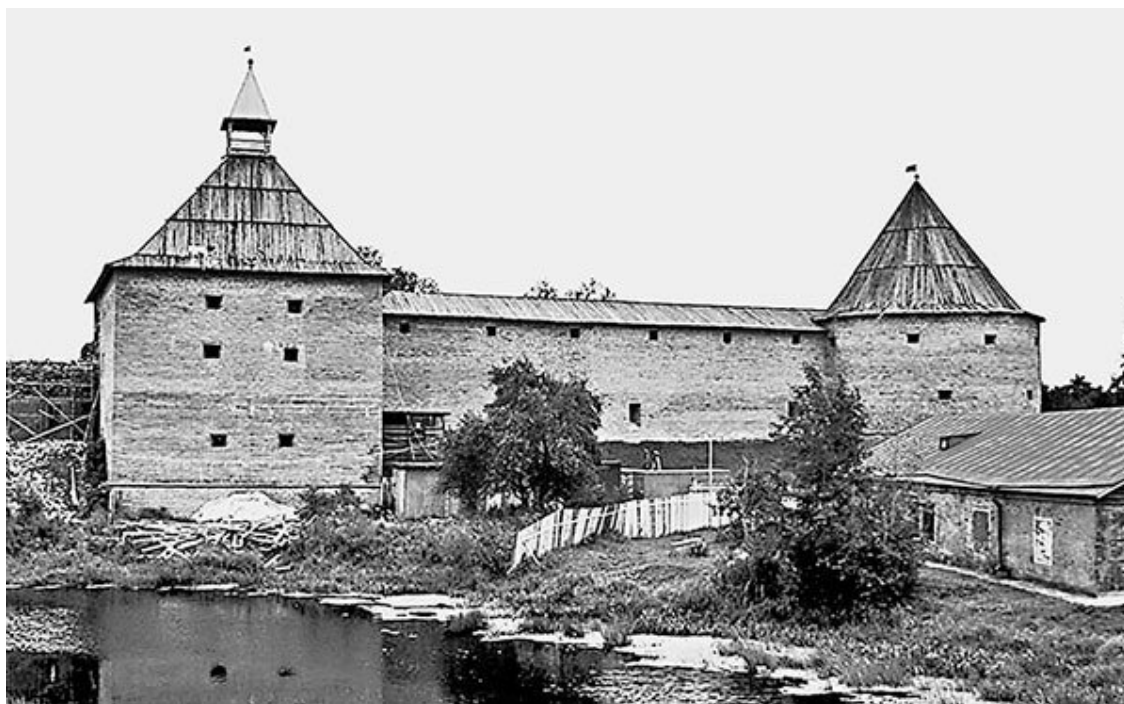
В пятидесятых годах прошлого столетия была предпринята даже целая экспедиция с целью исследования Рюриковой крепости. Участниками экспедиции были: писатель А. Башуцкий, священник Антоний Бочков и ладожский старожил дьякон Савва Беляев. Участники экспедиции рассказывали, что они отперли маленькую ветхую дверь под юго-восточной угловой башней. Дверь вела к реке и была задвинута тяжелым железным засовом и заперта цепью на замке. Запасшись фонарем, лопатами и ломом, они отправились на осмотр открывшегося прохода. Скоро им пришлось с опасностью пробираться в полумраке, между рыхлыми от сырости и нависшими каменными сводами подводной галереи. Стены галереи были покрыты густой массой бледно-зеленой плесени, в которую уходили руки, не встречая ничего твердого для опоры. Воздух становился удушливым, над головами стоял гул от перекачивавшихся волн. Кругом раздавалось шлепанье отвратительных гадин. Все это угнетало мозг до того, что терялось соображение, а вязнувшие в грязной тине ноги отказывались служить. Наконец, от спертости атмосферы погас огонь в фонаре, и спички не загорались... Чуть не ползком выбрались исследователи из переходов подземелья, в котором пробыли около часа.

Приблизительно в это же время рассказывал местный житель Ананьев, что он еще в детстве сопровождал своего отца в подобной же попытке найти тайники крепости. Они тоже проникли в подземный ход и шли по нему некоторое время, пока не уперлись в железные ворота, запертые на замок. Ход этот шириною менее сажени, вышиной более человеческого роста, стены и свод плиточные. Летучие мыши, испугнутые путешественниками, метались под сводами, задевая идущих крыльями по лицу. Ничего более интересного не нашли и эти изыскатели, но про этот ход говорили в Ладоге, что он тянется на восемь верст под Волховом.

Трудно проследить, где правда и вымысел в этих рассказах. Впоследствии раскопки крепости, произведенные известным археологом Бранденбургом, опровергли большую часть этих легенд, но некоторые так и остались не объясненными.



Выход из ограды церкви Святого Георгия. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.



Внешний вид двух башен и прясла крепостной стены Ладужской крепости. Современная фотография

Вероятно, основанием многих из таких легенд служила давно уже исчезнувшая башня. Как видно из старых документов, башня эта стояла в середине стены, выходящей на Волхов. В описных книгах от 1628 года она называется «Тайничным роскатом», а в такой же книге от 1655 года «Тайничной башней». «Башня Тайничная каменная, – пишется в описи 1655 года, – от подошвы вверх 4 сажени, в длину 5 сажен с полусаженью, толщина 2 сажени. И та башня стоит без кровли и вся до подошвы от каменной стены отсела больше сажени и отвисла.

И только тое башни вскоре не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскоре вся без остатку до подошвы развалится в реку Волхов и колодезь в той башне обрушится и вода каменным и известковым песком засыпется. А колодезь в той башне с водой, а вода в тот тайник и в колодезь проведена была трубами из реки Волхова и те трубы не почищены и ныне засыпаны и воды в том тайничном колодце нет. А оприч того тайника воды в каменном городище нет».

Очевидно, после этой описи Тайничная башня разрушалась все более и более и действительно обвалилась, в конце концов, в Волхов. Место ее обозначено широкой выемкой, заросшей травой и бурьяном.

В документах есть названия всех других башен, остатки которых сохранились до сих пор. Башня при впадении Ладужки в Волхов называлась Стрелочной, при входе в крепость – Воротной, а выходившая к земляному городищу – Климентовской. Последняя, вероятно, получила свое название от Климентовской церкви, которая стояла когда-то в земляном городе.

В настоящее время внутри крепости помещается старое, очень запущенное и неряшливое кладбище, две небольшие старинные церкви и деревянная сторожка. Густые заросли бурьяна и крапивы скрывают каменные или чугунные, почти ушедшие в землю плиты, развалившиеся кресты и старинные памятники.

Сохранились кое-какие глухие предания о том, что княжение Рюрика не было мирным. Были недовольные, которые жаловались на поведение его самого и его родичей.

В Новгороде было восстание под предводительством Вадима Храброго, который был убит Рюриком вместе со многими другими новгородцами. Смуты были с самого начала и в Ладоге. Ладожане хотели будто бы прогнать Рюрика, и новгородцы пришли к ним на помощь. Произошло кровопролитное сражение, и Рюрик разбил славян. Местное предание указывает, где произошло роковое сражение. За Никольским монастырем, на берегу Волхова, находится большая возвышенная площадка, а внизу, сбоку, как бы в ущелье, протекает ручей. Площадка называется «Победище», а ручей «Кровавым». Здесь произошло, по преданию, сражение Рюрика с новгородцами и взбунтовавшимися ладожанами.

Но по другому преданию, здесь была одержана победа Александром Невским над шведами в XIII столетии.

За крепостной стеной, от Климентовской башни идет до самого Волхова длинная узкая балка. Она отделяет крепость от так называемого земляного городища. Теперь место городища занимает большая, зеленая, обрывистая к Волхову возвышенность с домиками и огородами причта Георгиевской церкви. По переписным книгам X века здесь стояла церковь Св. Климента и находился двор наместника и тиуна – «наместнич да двор тиун».

А по переписным книгам XVII столетия здесь значится вторая крепость Ладоги, срубленная из дерева. Она окружала городище деревянными стенами с тремя башнями – Воротной, Наугольной и Бережной. Внутри этой крепости находились в то время разные административные учреждения. В Книге перечислены: церковь Климента каменная, церковь Спаса деревянная, двор воеводы и зелейная казна (пороховой погреб).



Вход в ограду церкви Святого Георгия. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Глава III

Христианство. – Церкви, монастыри и их легенды.

Русь была крещена в 988 году при князе Владимире. После крещения киевского народа первый русский митрополит Михаил с епископами, присланными из Цареграда, и с Добрыней, дядей Владимира, отправился просвещать русских язычников по великому водному пути на север. Построив церковь в Новгороде и крестив там многих людей, Михаил поехал по всей Новгородской области для насаждения христианства. В Новгороде окончательно сокрушено было язычество силой при другом уже митрополите, после смерти Михаила.

Конечно, в глухих местах Новгородского края, как и по всей Русской земле, долго еще сохранялось язычество со всеми его обрядами. По некоторым письменным источникам известно, что борьба с язычеством продолжалась во все последующие века, доходя до XVI века.

Среди густых лесов и мало проходимых болот, под старыми развесистыми деревьями ставили упорные язычники своих идолов. Усердные иноки разыскивали эти ставки или капища, свергали идолов и строили на месте их первые христианские храмы.

Из преданий о местных скитах известно, что они основывались часто бывшими разбойниками или буйными ушкуйниками. Скитаются в дремучем лесу разбойник или подплывает к берегу ушкуйник с награбленным добром – и натывается вдруг на какую-нибудь пещеру в скале или среди леса. Там находит он смиренного отшельника, который молится и спасает душу, уйдя от мирских соблазнов. И поражается невиданным зрелищем разбойник. Какие-то неведомые чувства появляются в его огрубевшей душе, какие-то новые мысли начинают шевелиться в его мозгу... И делается ему неведомо, как продолжать прежнюю жизнь душегубства. Он остается здесь, поселяется в соседней пещере, инок просвещает его светом евангельской истины и обращает в христианство. Награбленные и спрятанные в разных местах сокровища собираются и идут на постройку церкви. Приходят другие уставшие от мирской жизни люди, селятся кругом церкви, и так образуется скит или монастырь.

Так как Ладога стояла на торговом пути и видала много заезжих людей, то в ней не могло долго держаться язычество. Вероятно на месте ее капищ скоро после проникновения к славянам христианства стали основываться маленькие деревянные церкви, которые разрушались пожарами или вражескими набегами и не оставляли после себя следа.

Первая церковь, о которой мы встречаем известия в летописях, была церковь во имя св. Климента в земляном городище, выстроенная в 1153 году новгородским архиепископом Нифонтом. По словам летописи: «Иде боголюбивый епископ Нифонт в Ладогу и заложи церковь камяну св. Климента». В переписной книге Ладоги за 1646 г. упоминается о деревянной церкви: «Да в земляном городище церковь деревянная клетца во имя Климонта папы римского, образа и книги, и ризы и колоколы, строенье приходское». Об этой же церкви свидетельствует старопечатная минея, хранящаяся в церкви Св. Василия Кесарийского на противоположном берегу Волхова. В минее находится такая надпись: «7201 положил сию книгу глаголемую минию месяц април в церковь священномученика Климента, что в Ладоге в земляном городе по своей вере, по себе и по своих родителей Ладожанин посадцкой человек Максим Андреев сын Торопчанинов».

При основании Новой Ладоги церковь Св. Климента была перенесена Петром Великим туда. Здешняя церковь была заброшена и мало-помалу разрушилась. О перенесении церкви в Новую Ладогу мы читаем следующее в челобитной новгородскому митрополиту Иову от священника Афанасия Васильева: «В прошлом 1703 году по твоему архиерейскому указу и грамоте соборная церковь священномученика Климента перевезена в Новую Ладогу и поставлена, и мы богомольцы твои перевезлися и живем домишками и окладного жалованья нам не поло-

жено, в Старой Ладоге у нашей церкви были в приходе, и те ныне приходят в Новые Ладоги в Николаевской Медведской монастырь». Теперь на небольшом холме, образовавшемся над развалинами церкви, стоит только ветхая деревянная часовенка над массивным деревянным крестом, потемневшим от времени. Прежде здесь стоял другой крест, который хранится теперь в церкви Св. Дмитрия Солунского внутри каменного городища. На том кресте вырезана следующая надпись: «Поставлен сей животворящий крест Господень на церковном месте священномученика Климента папы римского, по обещанию Григория Федорова сына Куснищева, лета 1728 июня 24 день».

Много таких деревянных крестов, грубых, массивных, потемневших и растрескавшихся, с полуистертыми надписями, стоит в Ладоге и ее окрестностях. Говорят, почти все они поставлены на местах старых разрушенных церквей.



Церковь Святого Георгия. Современная фотография

Из церквей, существующих в Ладоге в настоящее время, самой древней считается церковь Св. Георгия в стенах Рюриковой крепости. Точное время ее основания неизвестно, но существует предание, что она была построена на месте прежнего языческого капища. Предполагают также, что она была основана в XI веке Ярославом Мудрым, во время княжения его в Новгороде. По словам летописи, отец Ярослава, Владимир, распахал землю и умягчил ее, т. е. просветил крещением; Ярослав же насеял книжными словами сердца верных людей, а мы, прибавляет летописец, пожинаем, принимая книжное учение. При книгах нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить неграмотный народ. Ярослав строил церкви по городам и местам неогороженным; ставил в них священников, которым давал содержание из собственного имущества, приказывая им учить людей. При Ярославе в Новгороде было сделано то же, что при Владимире в Киеве: князь велел собрать у старост и священников детей и учить их книгам. Весьма вероятно, что этот благочестивый князь, бывая, во время своего княжения в Новгороде, в Ладоге, построил там церковь. На это указывает еще и то, что церковь выстроена во имя Св. Георгия: Георгием же Ярослав был назван при крещении. Другие относят построение церкви ко времени построения каменного городища,

т. е. к XII веку. Во всяком случае древность церкви подтверждается ее архитектурой и стенной живописью – фресками. Такими фресками украшали русские храмы греческие мастера, приезжавшие в Россию в первые века после возникновения в ней христианства. Во многих местах летописей и местных писцовых книг встречаются затем известия о разных изменениях, через которые проходила церковь св. Георгия.

В 1446 году, по словам летописи, архиепископ Евфимий «заложи монастырь св. Георгия в городке Ладоге и церковь св. Георгия понови и подписа, идеже отпало и покры ю чешуею и бысть крестьянам прибежище». После этого церковь упоминается в исторических записях как Георгиевский Застенный монастырь. В смутную эпоху он был совершенно разорен и только после Столбовского договора с шведами, в 1618 году, был вновь освящен игуменом Феокритом. В церковной грамоте, хранящейся в алтаре, пишется об этом следующее: «Водружен сей крест в храме великомученика Христова Георгия в лето от сотворения мира 7126, а от Рождества Христова в 1618, ноября 2 день на память св. мучеников Анкидина и Пигасия и иже с ними; при державе царства при благоверном царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси; при пастве великого господина Исидора Великого Новгорода и Великих Лук, а святил Николая Чудотворца Медведского монастыря игумен Феокрит».

Через 300 лет после основания Застенный монастырь был упразднен, и Георгиевская церковь стала числиться снова приходской. В 1837 году указом духовной консистории она была приписана к Успенскому женскому монастырю в Ладоге, но в 1839 году прихожане снова выхлопотали независимое положение древнему храму. Много раз церковь приходила в обветшалое состояние и снова подновлялась.

При всех таких переменах, разрушениях и перестройках исчезала мало-помалу древняя стенная живопись храма и изменялась отчасти его архитектура.

В конце восемнадцатого столетия новгородский митрополит Гавриил, проездом в Петербург, осматривал Рюрикову крепость. Надеясь найти какие-нибудь надписи о времени построения храма, он приказал отбить штукатурку в некоторых местах. Под первым отбитым слоем нашли второй, расписанный красками, под этим третий, на котором увидели сохранившиеся еще фрески. Обнаружили также и надписи, но важного в них ничего не нашли. К сожалению, отбивали штукатурку неосторожно и неумело, обнажали то один слой, то другой, причем оба портили. При более тщательной и умелой работе в то время могли еще обнаружить и, может быть, сохранить полный образец стенной живописи XII столетия.



Церковь Святого Георгия. Первоначальный облик южного фасада. Реконструкция С.В. Лалазарова



Облик Георгиевской церкви в конце XVI в. Реконструкция С.В. Лалазарова

Очевидно, часть обнаруженных фресок не удовлетворяла вкусу духовенства начала XIX столетия, потому они постарались уничтожить их при ремонте церкви. Только случайно удалось сохранить немногие фрески, существующие до сих пор. Каменщики, работавшие в церкви, рассказывали потом, что им страшно было рубить топорами лики святых, но они не смели послушаться приказаний батюшки и распорядителей.

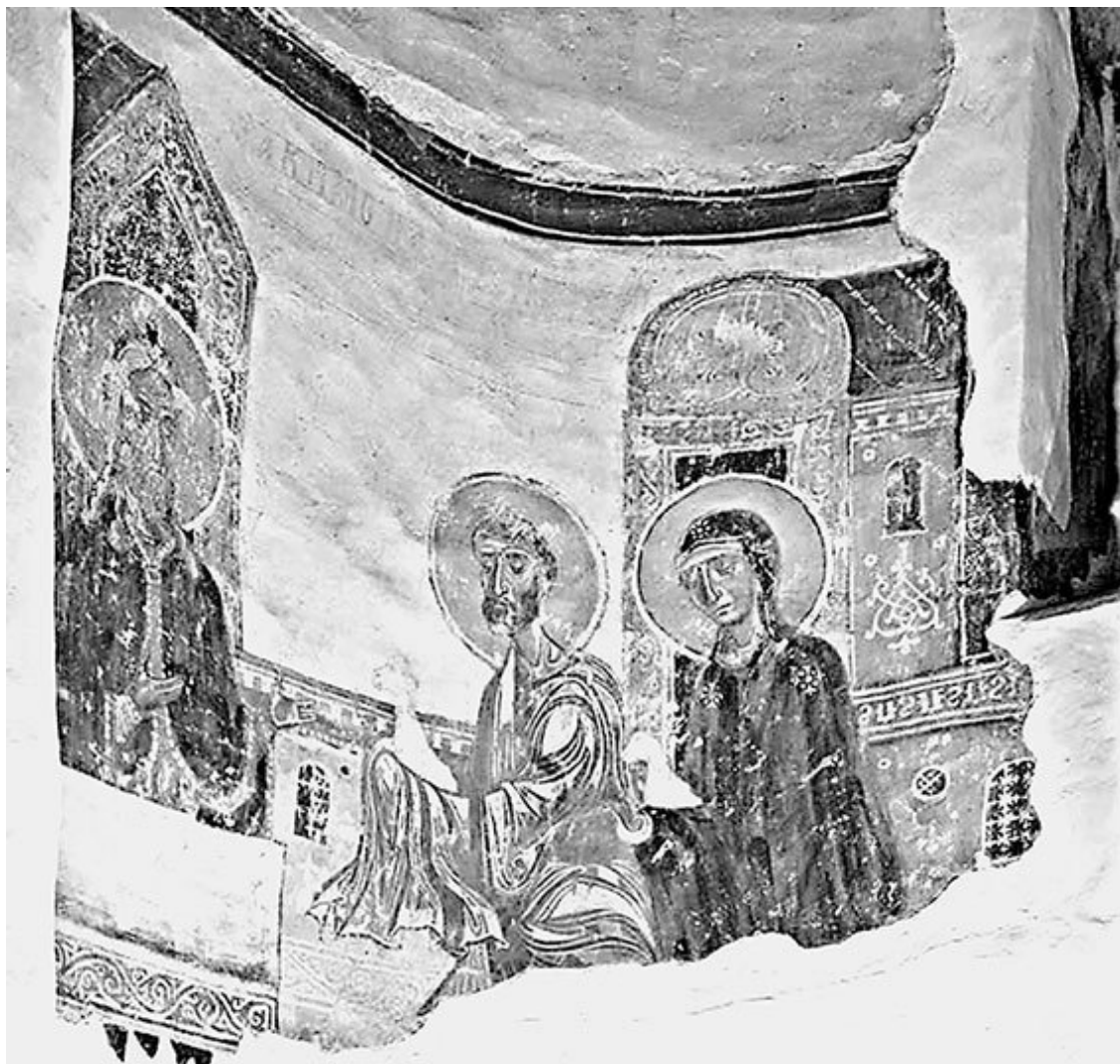
Из сохранившихся до сих пор фресок интересны следующие. В куполе – Спаситель на троне в виде блестящей радуги, в круге, означающем небесные сферы, с благословляющей десницей, со свитком в шуйце. Круг поддерживают восемь ангелов в разноцветных одеждах, ниже помещены 12 апостолов, а среди них Богоматерь с воздетыми руками, среди двух ангелов. В барабане купола, между окнами, изображены пророки, среди которых выделяются Давид в виде старца и Соломон в виде молодого человека, в диадемах и одеждах византийских императоров, со свитками и благословляющими десницами. В алтаре сохранилась небольшая часть изображения Тайной вечери. В диаконнике изображен патрон церкви св. Георгий на белом коне, в кольчуге и в красном развевающемся плаще, со щитом в левой руке и копьем в правой. Внизу, под конем, дракон готовится поглотить царевну; в стороне дворец, из окна которого смотрят царь с царицей и придворные. Затем сохранились изображения архангелов Михаила и Гавриила, Иоакима и Анны с барашками для очистительной жертвы, великомученицы Марии и св. Николая. На западной стороне сохранилось изображение страшного суда, напоминающее по расположению фигур и по замыслу известные лубочные картины такого содержания.

К концу прошлого столетия церковь Св. Георгия снова пришла в страшную ветхость. Вся штукатурка снаружи растрескалась и местами отвалилась, крыша, рамы и пол местами совер-

шенно сгнили. В церковь попадала вода во время дождей и снега. Стекол во многих рамах не было, так что отверстия затыкались древними холщевыми ризами, служившими духовенству, может быть, в XII–XIII веках. Фрески были покрыты слоем копоти и пыли. В 1902 году, после поданного Государю прошения, были получены средства, храм был отремонтирован и снова освящен в июле 1904 года.



Святой Георгий. Фрагмент фрески ц. Святого Георгия



Жертвоприношение Иоакима и Анны. Фреска Георгиевской церкви

Рядом с церковью Св. Георгия здесь же, среди старых могил, в стенах крепости, стоит маленькая деревянная церковь Св. Димитрия Солунского, тоже старинной архитектуры. Вероятно, прежде она предназначалась для зимней службы – «клетцы», как называли на севере теплые церкви. Можно предполагать, что эта церковь не такая древняя, как вышеописанные церкви Св. Георгия и Св. Климента, так как в переписной книге 1500 года она совсем не упоминается. Первые сведения о ней встречаются только в переписной книге 1646 года наряду с сведениями о Георгиевской церкви. По указу Синода от 11 декабря 1730 года предписано «ветхую церковь разобрать, крепкий лес употребить на новую, а негодный сжечь при реке и пепел, завязав в удобный холст, опустить в реку».

В 1731 году она была перестроена и освящена, как видно из указа Синода, и так просуществовала до 1901 года.

В церковных книгах 1854 года Дмитриевский храм показан очень ветхим, затем в 1896 году он находился уже в полном разрушении, и около пятидесяти лет в нем не служили. Летом 1901 года храм был возобновлен на частные средства, но древняя архитектура при этом, говорят, была изменена. Особенного внимания заслуживают в этой церкви царские врата. По форме и живописи они относятся к началу XVI века новгородского письма. Очень миниатюрные врата состоят из двух столбиков, двух половинок самых врат и сеней. На сенях изображен Спаситель, передающий ученикам таинство причащения под обоими видами, с одной стороны

под видом хлеба, с другой под видом вина. В середине сеней изображение трех странников, посетивших Авраама. Бывшие в церкви древние иконы XV, XVI и XVII веков были взяты отсюда и находятся в настоящее время в музее Александра III.

В церкви, в особых шкафах, хранятся оловянные священные сосуды, разные драгоценные украшения из жемчуга и камней, пожертвованные, вероятно, для украшения икон русскими княгинями, и древние холщевые священнические одежды. Здесь же можно видеть старинное евангелие, пожертвованное сюда царем Феодором Алексеевичем в 1680 году со следующей надписью: «Лета 7188 Декабря 18, книга, глаголемая святое Христово евангелие на престольное, жалованье великого государя и великого князя Феодора Алексеевича всея великие и малые и белые России самодержца, в город Ладогу, в церковь страстотерпца Христова Георгия в каменной ограде».

При выезде на большую дорогу из Старой Ладоги в Новую, на высоком холме Малышеве, над Волховом, стоит старинная церковь Иоанна Предтечи. Прежде здесь был тоже монастырь, основанный между годами 1276–99 новгородским архиепископом Климентом. Один из колоколов сохранился от царствования Бориса Годунова. На нем вырезана следующая надпись: «Лета 7112 (1604) к Вознесению Господню и Рождеству Иоанна Предтечи на Малышеву гору в Ладогу слито два колокола при господаре царе и великом князе Борисе Феодоровиче всея Руси и его благоверной царице великой княгине Марии и их благоверны чаде и царевиче Феодоре, царевне Ксении и преосвященном митрополите Исидоре Великого Новгорода и при настоящем игумении Дионисии».

В 1764 году монастырь Иоанна Предтечи был упразднен, а церковь была приписана к монастырю Никольскому.

Под Малышевой горой раскинулся маленький грязный поселок Позем. Неподалеку от этого поселка начинаются белые каменные стены, с круглыми башенками, женского Успенского монастыря. Когда он был основан – тоже неизвестно, так как все документы его пропали во время разных бедствий, которым он подвергался заодно со Старой Ладогой. Они могли сгореть в один из пожаров или были похищены вместе с разным добром монастыря во время разграблений его врагами. Во всяком случае в XVI веке он уже существовал, так как числится в описной книге от 1500 года.



Церковь Иоанна Предтечи на Малышевой горе в Старой Ладоге.

Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

После Столбовского договора монастырь находился в полном разрушении и запустении. Одна из монахинь, старица Акилина, собрала некоторых из разбежавшихся сестер и приступила к возобновлению Успенской обители. На просьбу ее о восстановлении монастыря царь Михаил Федорович в грамоте 7129 г. (1621 г.) писал: «По челобитью Успенского монастыря строителя – старицы Акилины с сестрами его царское величество, поелику де по разорении шведами Великого Новгорода и с прочими городами разорена и сия обитель, а в прошлом де 7125 (1617 г.) Новгород с пригороды от шведов обратно отданы – приказал, по просьбе означенной старицы, монастырь возобновить, сестер собрать, прежние вотчины и прочие угоды отдать для содержания монахинь». Таким образом старице Акилине удалось восстановить разрушенный монастырь. Каменная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, разграбленная и разрушенная шведами, была вновь отстроена и освящена в 1617 году. Среди монахинь долго хранилось предание, что старица Акилина обходит ночной порой восстановленную ею обитель, в мантии и с посохом в руке, и исчезает в стене соборной церкви, где, под крайним окном, предполагалась ее могила. Монахини особенно святой жизни, говорит предание, удаивались этого видения.

Из игумений монастыря, после старицы Акилины, особенно чтится старица Евпраксия, умершая в 1823 году. При жизни она часто уединялась для молчания и молитвы в так называемый Абрамовский лес, в трех с половиной верстах от монастыря. Здесь, на небольшом пригорке среди леса и окружающих его болот, под высокой сосной была выстроена по ее распо-

ряжению маленькая деревянная часовня. У самой подошвы горы старица вырыла колодезь и поставила над ним большой деревянный крест. Однажды пронеслась над монастырем сильная буря и снесла с церкви Успения главу с большим крестом, обшитым железом. Евпраксия снесла этот крест в свою пустыню и воткнула его в большой сук сосны над часовней, где находится он и поныне. Среди монахинь по этому поводу создалась легенда, что крест сам перенесся в Абрамовщину во время бури и сам вонзился в сосну.

В 1718 году в Успенский монастырь была заточена первая жена Петра Великого, Евдокия Феодоровна. Еще в 1699 году царица Евдокия была пострижена в монашество по приказанию царя в Суздальском Покровском монастыре под именем Елены. По делу царевича Алексея Петровича и по участию в заговоре против Петра Евдокия Феодоровна приезжала в Москву. Многие из приверженцев опальной царицы были тогда казнены, а сама она была отправлена в Староладожский Успенский монастырь. Под угрозой смертной казни было запрещено посторонним говорить с нею. Чтобы предотвратить какие-либо сношения царицы с посторонними, по указу царя монастырь был окружен стоячим двойным палисадом (каменной ограды тогда еще не было). Монастырским прихожанам было запрещено ходить в монастырскую церковь. Приостановлено даже было пострижение в монашество лиц, живших в монастыре.



Старинный крест в женском Успенском монастыре Старой Ладogi.

Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Заключение Евдокии Феодоровны в Успенском монастыре продолжалось до кончины Петра Великого. После его смерти, по указу императрицы Екатерины I, Евдокия Феодоровна была перевезена в Шлиссельбургскую крепость.

Среди немногих воспоминаний, сохранившихся в монастыре о пребывании в нем царицы, передаются воспоминания о посещениях узницы Петром. Говорят, будто бы он неоднократно навещал ее и заботился даже о том, чтобы ей были доставлены возможные жизненные удобства.



Успенский женский монастырь в Старой Ладоге. Место кельи, где жила Е.Ф. Лопухина. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1909 г.

Конечно, теперь не осталось уж и следов от деревянной кельи царицы, но место ее долго охранялось двумя могучими липами, как говорят, ею посаженными. Никто не осмеливался рубить «царских лип», и они стояли около двухсот лет, пока старость не одолела их. Они начали качаться, скрипеть и раскалываться посередине. Одна из них свалилась сама, а другую срубили, боясь, что она убьет кого-нибудь при падении. Теперь от них остались только широкие круглые пни, почти сровнявшиеся с землей.

На другом конце Ладоги, в полуверсте от самого селения, на поднимающемся в гору берегу Волхова, пестреют старые каменные церкви, окруженные каменной же стеной. Низенькие круглые ворота в стене украшены старинной живописью. Это мужской монастырь во имя святителя Николая Чудотворца. Время основания его также неизвестно, но о нем упоминается в житии св. Николая Качанова, жившего в первой половине XIV века. Рассказывают предание

об одном пономаре этого монастыря, получившем исцеление от святого, бывшего здесь монахом. Кроме того, говорят, что в старинные ворота этой стены в 1612 году были внесены гробницы свв. Сергия и Германа, привезенные с Валаамского острова при нашествии шведского предводителя войсками Делагарди, и хранились здесь до времени Петра Великого.



Успенская церковь в Старой Ладоге. Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1892 г.

«На сорок верст тянулась прежде Ладога, и было в ней сорок церквей», – говорят местные жители. Сорока церквей, вероятно, здесь никогда не было, но было их во всяком случае больше, чем в настоящее время. Кое-где деревянные кресты обозначают места разрушенных церквей, а кое-где только насыпи обращали внимание археологов. По раскопке насыпей действительно обнаруживали развалины древних церквей, которые по разным признакам тоже относили к XI и XII векам. В XV веке Ладога делилась так же, как и Новгород, на «концы». В

описных книгах таких концов указывают пять: Климентовский, Никольский, Спасский, Богородицкий и Семеновский. Названия, очевидно, стоят в связи с некоторыми церквами и монастырями, находящимися в этих концах или по соседству с ними. В разное время в Ладоге – «в городе» и на посаде насчитывалось пять монастырей и восемь церквей.

Были также в Ладоге и католические храмы. Один был построен немецкими купцами еще в 1060 году. Вероятно, он помещался на Варяжской улице, где жили варяги и был выстроен впоследствии гостиный двор. Одна из улиц до сих пор сохранила это название.

Глава IV

Управление. – Промыслы, торговля и лоцманство. – Состав населения. – Пребывание голштинского посла Олеария в Ладоге в XVI в.



Адам Олеарий. Старая Ладога. Гравюра

С XII века Ладога во всех летописях занимает определенное положение пригорода Новгорода Вотской пятины. Вся Новгородская область разделялась на пять частей, или пятин так же, как и самый город делился на пять концов. Кругом Онежского озера до Белого моря лежала Обонежская пятина, кругом Ладожского озера до Финского залива – Вотская, по реке Шелони – Шелонская, на юго-восток от Новгорода – Деревская, а вдали, на восток, между рекой Мстой и притоками Волги – Бежецкая. Все главные пригороды Новгорода находились на западе от него, с той стороны, откуда его всего чаще беспокоили иноземные враги. Потому в важнейших пригородах были выстроены надежные крепости, или твердыни. Такая же твердыня, как мы уже знаем, была выстроена и в Ладоге.

Первые русские князья, начиная с Олега, считали стольным городом своим Киев. В нем они и жили, назначая в другие крупные города своих наместников, большею частью сыновей, братьев или других родственников. Уж после смерти Владимира Святого (1015 г.) начались раздоры между его сыновьями из-за стольного города. Ярополк, известный под именем Окаянного, убил троих братьев. Ярослав в это время был в Новгороде. Собрав войско, он одолел Ярополка и сел в Киеве. После смерти последнего брата, Мстислава Черниговского, Ярослав восстановил единовластие в Русской земле (1034 г.), которое окончательно уничтожилось после его смерти в 1054 году. Междоусобия между членами княжеского рода все усиливались, и вся Русь была раздроблена на отдельные волости с постоянно враждующими между собой князьями. После смерти любимого и уважаемого князя Владимира Мономаха распри из-за

Киева сделались непрерывными, и Новгород воспользовался ими, чтобы восстановить свою самостоятельность. Он перестал принимать князя по назначению из Киева, а выбирал его на вече и предлагал ему свои условия. При избранном князе назначался посадник из городской знати для руководства и как бы присмотра за ним. При недовольстве князем вече изгоняло его, так же было и с владыкой или новгородским архиепископом. В управлении участвовали еще тиуны, состоявшие при посадниках, тысяцкие, сотские и десятские, старосты концов и старосты разных промыслов.

По этому образцу шло управление и в пригородах, а следовательно, и в Ладоге. Новгород присылал ей посадника с тиуном, а из своих жителей ладожане ставили сотских, десятских и старост. Так как, по словам летописи, были «веча по всем городам русским», то надо полагать, что и в Ладоге было свое вече для местных некрупных дел. Но по всем делам, касавшимся общего устройства, Ладога следовала определению города старейшего. В одном месте летописи говорится следующее: «Новгородцы бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вси власти, якоже на думу на вече сходятся, на что старейшие сдумают, на том же пригороды станут». Бывали случаи, что и Новгород не решал важных дел без совета с пригородами, особенно когда шел вопрос об изгнании или приглашении князя. Во время смут и ссор с князьями жители пригородов сами приходили требовать себе посадников. В мирное время князья заботились о пригородах, ставили туда посадников и наблюдали за их управлением.

Под 1158 годом в летописи рассказывается, как новгородцы послали своего князя Святослава в Ладогу как в место ссылки. Отец его Ростислав был в ссоре с сильным в то время суздальским князем Андреем Боголюбским. И он послал сказать новгородцам: «Будь вам ведомо, хочу искать Новгорода и добром и лихом». Услыхав грозное слово Андрея, новгородцы не знали, что делать. Начались смуты, и, в конце концов, Святослава схватили и отправили в Ладогу, приставив к нему крепкую стражу. Но Святославу скоро удалось бежать в Полоцк.

В 1254 году князь Ярослав Тверской, желая привлечь на свою сторону новгородцев и попасть к ним на княжение, старался задобрить ладожан. После праздника Крещения он приехал с боярами в Ладогу, и «ладожане почтиша и (его) достойной честью».

В 1327 году в Ладогу приезжали князья Константин и Василий Михайловичи, братья Александра Тверского. Оба они искали в Ладоге приюта от мести татар, разгромивших Тверь, так как в это время только Новгород и «ублюде Бог», говорит летопись.

Новгород Великий в XIV веке был богат своей торговлей с немецкими городами. Он укреплялся наравне с городами сначала Владимиром и Галичем, а потом Москвой. Киев же к концу XIII века дошел до полного падения. Постоянные междоусобия князей и борьба с половцами и другими врагами совершенно разорили его. Город обеднел и опустел, население разбежалось в разные стороны. В XIII же веке появился новый страшный враг – татары, которые разорили и поработили Русь. В эпоху татарского порабощения Русь разделилась на княжеские уделы и снова собралась воедино только при усилении нового княжества – Московского в XIV веке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.